

Перемена участи поэта

Тимур Кибиров: «Всякое искусство – пропаганда, но не всякая пропаганда – искусство»

Независимая жюри 27 апреля – с 13-14-15 апреля ИГ Анораб 672

Сергей Шаповал

Тимур Кибиров – один из самых известных и успешных современных поэтов: его активно публикуют, на выступлениях собираются полные аншлаги. Однако сегодняшняя доля поэта кардинально отличается от поэтического существования советских времен. Именно об этом наш разговор.

– Тимур, хочу предложить невеселую, может быть, тему: перемена участи поэта в современных условиях. На излете советской власти ты мог работать в НИИ и публиковаться, что позволяло более или менее нормально существовать. С тех пор все резко изменилось. Как это отразилось на твоей судьбе?

– Когда, как сказал Дмитрий Александрович Пригов, наступила экономика, стало ясно, что писание стихов не может быть рентабельным. У меня на этот

и Англию, откуда удавалось привозить какие-то деньги. Сейчас сложилось нормальное существование, я служу редактором на НТВ. Что делать – нужно зарабатывать деньги. Если бы все зашло так далеко, что у нас возникла бы настоящая рыночная экономика и ручной труд приносил бы нормальные средства к существованию, я с удовольствием пошел бы копать землю. Говорю об этом без всякого кокетства. Пойди я сейчас по этому пути, надо было бы сразу забыть, например, о том, что моя дочь может хорошо одеваться, учиться и т.д.

– Прибегну к формуле, которую многие сочтут излишне романтической: идя на некую работу, я делаю шаг к продаже души дьяволу. Твоя служба на телевидении ею не описывается?

– Думаю, нет. Более того, я не уверен, что телевидение – дьявольский инструмент. Оно тоже может создавать разумное, доброе, вечное. Другое дело, что господствует халтура, потакающая дурным наклонностям. Но

Легкомысленный Тимур Кибиров.

чиненные им слова, жанр не важен. Тебе удалось придумать что-то такое, что могло бы сравниться с твоими стихами?

– Нет. У меня мозги настолько заточены под это, что я придумывал нечто совсем убогое. Это толком не было использовано. Я думаю, Марат Гельман проявил себя как меценат. Ему, наверное, было лестно, что он дал возможность известному поэту заработать приличные деньги. Но толку от меня не было никакого. Что касается утверждения Кормильцева, то я с ним согласен: механизм одинаков, но именно поэтому есть разница в том, что ты продвигаешь. Я полностью разделяю и непопулярную мысль Оруэлла: всякое искусство есть пропаганда, но не всякая пропаганда есть искусство.

– Судя по твоим стихам последних лет, для тебя важна тема культурного упадка и межпоколенческого разрыва. Я помню, как в разговоре десятилетней давности ты мне сказал, что с определенного момента будешь просто пичкать свою дочь Набоковым, поскольку его тексты – лекарство от пошлости и жестокости. Тебе что-то удалось на этом поприще?

– С радостью я могу сказать, что моя дочь читает. Огромное количество ее сверстников не делает этого вообще. С Набоковым получается любопытно. Моя дочь вступила в тот период, когда начинается освоение страшного опыта сексуальных отношений. Наши родители были застрахованы от этой проблемы, современные дети спокойно обо всем спрашивают. Как-то моя Саша спрашивает: «Папа, а что это за роман «Лолита»? Я стал рассказывать про Набокова, она послушала и решила прочитать «Лолиту». Потом я спрашиваю: «Ну и как тебе роман?» Рецензия была гениальной: «Ничего особенного». Думаю, Набоков порадовался бы!

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14

Не достроив антиутопию Оруэлла, мы въезжаем в дивный новый мир Хаксли

счет не было разочарований. В 1989 году я еще успел получить советские гонорары, которые просто потрясли воображение. На деньги, которые я получил за две стихотворные подборки, моя жена поехала в Лондон, провела там две недели и привезла гостинцев. Кстати, покойный Карабчиевский тогда сказал: «Если уж нам стали платить, значит, это скоро закончится». Так и получилось. Правда, у меня был некоторый период, когда что-то обламывалось: то премия, то приглашения в Швецию

больше всего меня бесит лукавство, когда говорят: что делать, у народа есть потребности, мы должны их удовлетворять. По сути, это логика наркодилера, который сначала подсаживает на наркотик, а потом удовлетворяет растущие потребности.

– В твоей биографии есть эпизод, который оброс слухами: я имею в виду твое участие в избирательных кампаниях в качестве пиарщика. Писали даже о том, что ты заведовал отделом в Фонде эффективной политики. Реа-

гировать на это можно было только по-американски: куда катится этот мир!

– Охотно расскажу. Никаким отделом в ФЭПе я не заведовал. Как к этой организации ни относиться, это серьезные люди и серьезные деньги, кто б меня туда пустил! Я по приглашению Гельмана два раза участвовал в пред-

выборных кампаниях, чего делать больше не буду. Тогда очень нужны были деньги и было страшно интересно. Но твоя реакция вполне резонна. По большому счету с моими взглядами, которые, в отличие от многих поэтов, жестко высказываю в стихах, я не должен был этим заниматься. Несомненно, это дур-

ной поступок. Когда я пошел на это в первый раз, моя жена в качестве нанятой продавщицы чем-то торговала на морозе в Коньково. Гельман предложил мне работу и задаток в пятьсот долларов, я в тот момент думал только о том, чтобы быстрее позвонить жене и сказать, что завтра она может не выходить на ра-

боту. Второй раз это была битва за демократию, когда переизбирали Ельцина. Из всего этого я сделал только один вывод: талант политтехнологов направлен на то, чтобы убедить своих зачастую простодушных клиентов в том, что они все могут, поскольку знают заветное слово. Никакого слова они не знают!

– Как-то я разговаривал с Ильей Кормильцевым, который некоторое время делал рекламу. Я спросил его, как он себя чувствует в этом деле после того, как его тексты к песням «Наутилуса» были истинно культовыми. Он ответил, что и тогда и теперь заставлял народ повторять со-

Фото Артема Чернова (ИГ-фото)

Перемена участи поэта

независимая — 2004 — 27 севбр — с 14-15
ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

Если говорить серьезно, то я убежден в том, что сейчас происходит культурный слом, который по глобальности и катастрофичности вполне сопоставим с 20-ми годами прошлого века. Сегодняшний человек, воспитанный на телевидении и кино, открывает «Преступление и наказание» и резонно приходит в насмешливое недоумение: герой замочил старуху, причем поделом, а дальше он почему-то мучится. В чем проблема?! Так же, как и читательница журнала «Cool girl» не очень одобрит по-

на. Стопудовая державность гармонично смешалась с кабаком.

У меня был любопытный эпизод. Моя дочь переходила в другую школу, и из-за особенностей нынешней системы образования у нее выпала история Средних веков. Я купил книги, мы стали заниматься вместе. Как и в былые времена, многие историки говорят о несовпадении идеалов и реальности как о лицемерии. Я стал говорить, что, несмотря на это расхождение, высокие идеалы хороши, стремясь к ним, люди становятся чуть лучше. Саша спрашива-

(примеч.)
поскольку лет уже немало, возникает опасность выглядеть молодящимся дураком. С другой стороны, я слишком часто называю себя стариком, что может выглядеть как кокетство. Но я это делаю, чтобы не забыть, что мне уже далеко не тридцать. А вообще о возрасте я задумываюсь только тогда, когда речь заходит о современной культуре. Могу себе представить, как некий молодой человек прочитает это интервью и скажет: надоело это ваше брюзжание! Наверное, это присутствует. Но если бы мне предложили вернуться лет на двадцать пять назад, я бы только ужаснулся: для меня ничего страшнее советской власти нет. Вина современной культуры кроме прочего в том, что она создает повод для ностальгии по советскому. Когда я ужасаюсь по поводу современности, я думаю не о собственной литературной судьбе — у меня она лучше, чем у большинства моих коллег. Меня искренне волнует, в каком мире будет жить моя дочь. Получается, что мы, не построив антиутопию Оруэлла, въезжаем в дивный новый мир Хаксли. Если бы я был абсолютным материалистом, то ничего, кроме отчаяния, я бы не ощущал. Но, поскольку я христианин, остается надежда на то, что не все в этом мире зависит от воли людей. Поэтому есть основания, говоря высоким штилем, продолжать сопротивление.

Стопудовая державность гармонично смешалась с кабаком

ведение Татьяны Лариной в финале «Евгения Онегина», а драму Анны Карениной сочтет вообще надуманной. Понятно, что это не наша специфическая проблема, но, скажем, в Европе она сглаживается культурной традицией. Поскольку у нас большевики традиционную культуру вырезали, кока-кола с лихими притопываниями и прихлопываниями пришла на выжженное место. Для нас нормально, что на официальном концерте, где присутствуют государственные мужи, поэт, например, Маша Распути-

ет: «А какие идеалы у современной культуры?» Я задумался. Мне стало ясно: единственное, что стоит за современной культурой, это — чтобы было прилично. Это объединяет попу с самыми высоколобыми художественными проектами.

— Ты приближаешься к пятидесятилетию, как ты воспринимашь свой нынешний возраст и есть ли у тебя ностальгия по какому-то периоду жизни?

— Я, как человек легкомысленный, забываю о возрасте. Но,